

I.

МАРКИЗЪ ПАУЛУЧЧИ ВЪ ЗАКАВКАЗЬ.

(Материалы для истории войны и владычества русских на Кавказѣ.)

I.

Назначеніе маркиза Паулуччи главнокомандующимъ въ Закавказь. — Его характеристика и приказы. — Намѣреніе персіянъ вторгнуться въ наши предѣлы. — Провскіи Шихъ-Али, бывшего хана дербентскаго и кубинскаго. — Сборъ значительной партіи лезгинъ въ Табасаранскомъ ущельи. — Бой генераль-маіора Гурьева у м. Зіахуръ и генераль-маіора Хатунцева у сел. Рустовъ. — Экспедиція Хатунцева въ Кюринскую область. — Занятіе г. Кюры. — Назначеніе Асланъ-бека правителемъ Кюринской области. — Экспедиція Котляревскаго въ Ахалцхский пашалыкъ. — Штурмъ крѣп. Ахалкалаки.

Столкновенія и пререканія, существовавшія на Кавказской линіи между властями гражданскою и военною, принудили правительство поставить во главѣ ихъ одного общаго начальника, и въ началѣ 1811 года управление Кавказскимъ краемъ было раздѣлено на двѣ части: въ Закавказь остался Тормасовъ, а кавказскимъ и астраханскимъ губернаторомъ былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Ртищевъ, сначала подчиненный Тормасову, а затѣмъ, съ отъездомъ послѣдняго и съ назначеніемъ маркиза Паулуччи, сдѣлавшійся независимымъ.

«Помѣ неоднократныхъ просьбъ генерала отъ кавалеріи Тормасова, писалъ императоръ Александръ маркизу Паулуччи (1), уволивъ его для поправки здоровья, поручаю вамъ начальство надъ корпусомъ войскъ, находящимся въ Грузіи и управленіе симъ краемъ по части гражданской, на тѣхъ же самыхъ правилахъ и преимуществахъ, какія имѣлъ вашъ предѣстникъ.

При повелѣніи военнаго министра вы получите списокъ войскамъ, которыя составляютъ ввѣренный вамъ корпусъ, наставленіе о назначеніи предѣловъ между Грузіи и Кавказской линіи и опредѣленіе тѣхъ сношеній, въ которыхъ поставляетесь вы съ начальникомъ послѣдней».

Границею между управленіями Кавказской линіи и Грузіею назначено укрѣпленіе Владикавказъ. Укрѣпленные посты: Балта, Ларсь, Дарьяль, Каабекъ и Куби, точно такъ же какъ и самый Владикавказъ, должны быть заняты войсками Ртищева. На него же возложено и производство этихъ войскъ, но всѣ военныя распоряженія, обезпече-

(1) Въ рескриптѣ отъ 6-го іюля 1811 года.

ніе путей сообщенія и управленіе народонаселеніемъ, обитавшимъ между Владивавказомъ и горою Кайшауромъ возложены на маркиза Паулуччи.

Филиппъ Осиповичъ маркизъ Паулуччи родился въ Моденѣ въ 1779 году, юношею вступилъ въ піемонтскую военную службу, и затѣмъ перешелъ въ австрійскія войска. Какъ природный италіанецъ, онъ долженъ былъ въ послѣдствіи перейти въ армію Италійскаго королевства, въ которой дослужился до званія генераль-адъютанта и участвовалъ въ послѣднихъ походахъ революціонныхъ войнъ. Выйдя въ отставку, маркизъ Паулуччи въ 1807 году поступилъ въ русскую службу полковникомъ. Въ этомъ чинѣ онъ сражался съ турками подъ начальствомъ Михельсона, и въ 1808 году, во время похода противъ шведовъ, былъ произведенъ въ генераль-майоры. 30-го іюля 1810 года Паулуччи былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ къ Тормасову, и за побѣду у Цалки произведенъ въ генераль-лейтенанты.

Какъ подчиненный, маркизъ Паулуччи всегда точно исполнялъ порученія, на него возложенныя. Тормасовъ приказалъ ему окончить экспедицію въ десять дней, и какъ мы видѣли, онъ окончилъ ее, не смотря на громадныя препятствія, противопоставленныя ему природою (¹).

«Военнослужащіе должны вѣдать, писалъ онъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ (²), что лучше умереть со славою, чѣмъ жить съ безславіемъ, и для того они, хотя бы то жизни ихъ стоило, не должны ни одного шагу уступить непріятелю, не взирая ни на какое его превосходство.

«За симъ предваряю я, что изъ офицеровъ всякъ тотъ, кто дастъ надъ собою верхъ непріятелю, преданъ будетъ военному суду и съ безчестіемъ, выгнанъ изъ службы. Господамъ генераламъ предписываю штабъ и оберъ-офицерамъ внушать, а они чтобъ твердили солдатамъ, что отечество держитъ насъ для того единственно, чтобы мы поражали непріятелей нашихъ, и что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ всещедро изливаетъ свои милости на тѣхъ, кои протѣ въ непріятеля ознаменуютъ себя храбростію и мужествомъ. И такъ, всякому изъ военнслужащихъ должно помнить долгъ службы и присяги, и противу непріятеля при всякихъ случаяхъ поступать мужественно, ибо кто будетъ всегда имѣть въ мысляхъ, что онъ *русскій*, и что его *непріятель не можетъ одолеть*, тотъ всегда побѣдитъ *непріятеля*».

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1878 года № 1-й, стр. 20—23.

(²) Въ приказѣ отъ 11-го октября № 8. Телѣмскій архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа, д. № 309.

Исполняя обязанности генераль-квартирмейстера и дежурнаго генерала, командуя различными отрядами и переноса всѣ лишенія походной жизни, маркизъ Паулуччи имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ офицеровъ, характеромъ ихъ жизни и привычками.

«Имѣвъ честь съ вами служить въ продолженіе двухъ кампаній, писалъ онъ въ приказѣ (1), къ крайнему моему сожалѣнію я замѣтилъ, что многіе изъ господъ офицеровъ занимаются азартными играми, а нѣкоторые изъ нихъ и неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ, хотя ничто столь недостойно порицанія въ военномъ чловѣкѣ, какъ страсть къ напиткамъ и игрѣ: отъ перваго онъ теряетъ все уваженіе въ глазахъ своихъ подчиненныхъ и дѣлается неспособнымъ къ дѣламъ службы; отъ втораго—онъ лишается времени, нужнаго для занятій по службѣ, часто вовлекаемъ бываетъ въ разореніе и, что еще хуже, подвергаетъ себя лишенію чести. Игра нигдѣ не была запрещена столь строгими законами, какъ въ Россіи. По званію моему, долгомъ себѣ поставляю имѣть непрерывное стараніе, дабы сіи законы были въ точности наблюдаемы: я на это употреблю всю ту здѣятельность, которую всегда употребляю въ отправленіи моей должности, и всю ту строгость, которую мнѣ внушаетъ отвращеніе, которое я имѣю къ игрѣ и къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ».

Чловѣкъ самостоятельный и характера независимаго, Паулуччи требовалъ, чтобы всѣ подчиненные по дѣламъ службы обращались къ нему прямо и не употребляли окольныхъ путей для полученія разрѣшеній главнокомандующаго (2).

— «Я не желаю, говорилъ онъ, чтобы начальники частей письмами къ чиновникамъ моей канцеляріи или къ адъютантамъ поручали докладывать мнѣ о чемъ бы то ни было, и въ послѣднемъ случаѣ я буду считать, что они *интригуютъ*».

Сохранивъ полнѣйшее безпристрастіе, маркизъ одинаково требовалъ точнаго исполненія своихъ приказаній какъ отъ старшаго, такъ и отъ младшаго. Получивъ донесеніе, что генераль-маіоръ князь Тамазъ Орбелиани не платитъ повинностей, слѣдующихъ съ его имѣнія, Паулуччи приказалъ ему внести ихъ въ пятнадцатидневный срокъ и присовокупилъ, что «въ противномъ случаѣ я, противъ воли моей, употреблю другія мѣры, которыя можетъ быть будутъ для васъ непріятны, но которыя я долженъ буду предпринять, дабы съ своей стороны показать примѣръ, что правительство слѣдуетъ всегда равному для вѣждаго правосудію и не должно имѣть никакого пристрастія.»

(1) Отъ 25-го октября 1811 года. «Русская Старина» 1876 г. № 11.

(2) Приказъ маркиза Паулуччи, отъ 17-го ноября 1811 г. № 18.

Познакомившись съ характеромъ азіятцевъ еще до вступленія своего въ управленіе краемъ, маркизъ Паулуччи, какъ человекъ воспитанный въ иныхъ началахъ, не могъ понять, почему главнокомандующій долженъ принимать подарки отъ хановъ и правителей областей. Обычай этотъ существовалъ давно, и ханы считали своею обязанностью присылать подарки не только вновь назначенному главнокомандующему, но и каждому лицу, въ которомъ встрѣчалась надобность. Такъ, когда генераль-маіоръ Хатунцевъ былъ посланъ къ хану ширванскому, съ требованіемъ уплатить долгъ казнѣ, состоявшій изъ 23,790 червонцевъ, и поставить для войскъ 5,000 четвертей хлѣба, то Мустафа-ханъ предложилъ ему въ подарокъ 500 тагаровъ чалтыку (необмолоченное сарачинское пшено), что по цѣнности равнялось 10 тысячамъ рублей. Хатунцевъ отказался отъ такого подарка. Ханъ принялъ этотъ отказъ за личное оскорбленіе и нерасположеніе къ нему русскаго правительства и, не смотря на всѣ увѣренія въ противномъ, успокоился только тогда, когда Хатунцевъ согласился принять чалтыкъ, и потомъ представилъ его при рапортѣ главнокомандующему (1).

Привычка давать подарки такъ укоренилась между азіятскими владѣльцами, что правительство вынуждено было отпускать въ распоряженіе главнокомандующихъ особыя вещи для отдариванія. Получивъ ханскій подарокъ, главнокомандующій обыкновенно приказывалъ записать его на приходъ, а тотъ, который посылалъ хану, выписывалъ въ расходъ. Находя подобный порядокъ вещей неестественнымъ, маркизъ Паулуччи призналъ необходимымъ просить хановъ шекинскаго, ширванскаго, карабагскаго и другихъ не присылать ему подарковъ.

«При самомъ началѣ вступленія моего въ командованіе всѣмъ здѣшнимъ краемъ, писалъ онъ ханамъ (2), почемъ за долгъ въ полной искренности предварить ваше превосходительство, что сколь ни усердно буду я стараться, дабы поступать въ соотвѣтственность вашихъ обыкновеній, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе не противно будетъ пользамъ службы Государя Императора, однако же, зная обычай здѣсь существовавшій, что превосходительные ханы, состоящіе въ подданствѣ Его Императорскаго Величества и зависящіе отъ главнокомандующаго здѣшнимъ краемъ, каждый разъ пріѣзжающимъ въ Грузію новымъ главнокомандующимъ дѣлали подарки—я долженъ сказать, что сему обыкновенію ни теперь, ни во все продолженіе моего здѣсь командованія я отнюдь слѣдовать не буду, и какого бы рода ни были сіи подарки, приняты мною не будутъ, равно какъ и посланные съ оными будутъ

(1) Рапортъ главнокомандующаго военному министру 20-го ноября 1811 г., № 57.

(2) Въ циркулярномъ письмѣ отъ 25-го сентября 1811 года.

отсылаться безъ отвѣта. Такимъ образомъ, черезъ сіе заблаговременное и чистосердечное объявленіе всѣмъ вообще ханамъ о правилахъ мою принятыхъ, я счелъ нужнымъ предохранить каждаго отъ неудовольствія, съ каковымъ примется, по здѣшнимъ обыкновеніямъ, отказъ въ приемъ подарковъ. За всѣмъ тѣмъ разумѣя, что превосходительные ханы, дѣлая сіи подарки, имѣли единственно въ предметъ то, дабы черезъ сей способъ означить только одно дружеское ихъ расположеніе, и потому отказать мнѣ отъ сего столь лестнаго ихъ засвидѣтельствованія весьма было бы для меня непріятно, то я въ семъ случаѣ имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, благопріятель мой, что со стороны вашей я приму за самый лестный для меня подарокъ и за доказательство истиннаго вашего расположенія и преданности то, когда ваше превосходительство ускорите для продовольствія войскъ Его Императорскаго Величества, коими я имѣю честь командовать, доставить требованный моимъ предмѣстникомъ, генераломъ отъ кавалеріи Тормасовымъ, хлѣбъ за цѣны, сходныя для казны Государя Императора и не обидныя для жителей, дабы симъ образомъ избѣжать перевозки провіанта изъ Россіи и сопряженныхъ съ оною большихъ издержекъ. Тогда всякое сохраненіе казны Его Императорскаго Величества черезъ сіе ваше содѣйствіе, я сочту за пріятнѣйшій мнѣ подарокъ со стороны вашего превосходительства, а между тѣмъ, относя сіе также къ истинному усердію вашему сносішествовать пользамъ службы, имѣю за особенный для себя долгъ довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія».

Вступивъ, 22-го сентября 1811 года, въ командованіе войсками и въ управленіе краемъ среди военныхъ дѣйствій съ персіанами и турками, маркизъ Паулуччи долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на обезпеченіе края отъ внѣшнихъ враговъ. Персіане готовы были вторгнуться въ наши предѣлы и вели переговоры съ дагестанскими вольными обществами, въ особенности съ Сурхай-ханомъ казикумухскимъ и Шихъ-Али, бывшимъ ханомъ кубинскимъ. Неудачи, испытанныя послѣднимъ въ борьбѣ съ Тормасовымъ (1), не уменьшили надежды на возможность возвращенія ханства, и Шихъ-Али, полагаясь на обѣщанія и скорую помощь персіанъ, разослалъ своихъ посланныхъ въ горы съ приглашеніемъ печь хлѣбъ и готовиться въ походъ послѣ байрама. Многіе владѣльцы откликнулись на приглашеніе, и вскорѣ получены были свѣдѣнія, что въ Аваріи, Дженгутаѣ, Акушѣ, Табасарани и во владѣніяхъ умія Каракайдагскаго собираются войска съ каждаго двухъ домовъ по одному человѣку. «Сегодня, въ субботу, 20-го ряби-ус-сани, писалъ Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій маркизу Паулуччи, прибылъ

(1) См. «Воен. Сборн.» 1878 г.

изъ Тавриза караванъ. Находящіяся въ Тавризѣ мои приверженцы и нукеры единогласно сообщаютъ мнѣ, что шахъ-задѣ (Аббасъ-Мирза) предполагаетъ 17-го числа сего мѣсяца выступить изъ Тавриза. Англичане совѣтовали шахъ-задѣ не брать съ собою пѣхоты въ бой, оставивъ ее вдали, а только пушки, назначивъ при каждой 200 человекъ конницы; артилерійскія лошади выбраны самыя превосходныя, въ томъ соображеніи, что если со стороны (русскихъ) солдатъ будетъ натискъ, то взять пушки на лошадей и ихъ увезти. Еще посланъ въ Рештъ одинъ свѣдущій корабельный мастеръ изъ англичанъ, чтобы тамъ устроить судно, дабы вредить судамъ, слѣдующимъ изъ Астрахани въ Баку. Богъ знаетъ, удастся ли имъ устроить судно или нѣтъ.»

Независимо отъ этого письма до маркиза Паулуччи дошли слухи, что посланный Шихъ-Али ханомъ къ Аббасъ-Мирзѣ привезъ ему 4,000 червонцевъ и извѣстіе, что шахъ-задѣ (наслѣдникъ) прибылъ уже на Муганскую степь и отправилъ приказаніе Мустафѣ-хану ширванскому прибыть туда же съ своими войсками.

Какъ только маркизъ Паулуччи узналъ объ этомъ, онъ приказалъ генералъ-маіору Хатунцеву, подъ предлогомъ осмотра баталіоновъ, отправиться въ Ширвань, послать лазутчиковъ узнать, дѣйствительно ли персіане находятся на Муганской степи и справиться о поведеніи Мустафы-хана ширванскаго, поступки котораго заставляли подозрѣвать измѣну и сношенія съ персіанами. Если свѣдѣнія о прибытіи персіанъ вѣрны, то Хатунцеву приказано собрать войска, находившіяся въ Ширвани, и атаковать персіанъ; въ противномъ же случаѣ двинуться противъ скопищъ Шихъ-Али, взявъ съ собою изъ Ширвани только одинъ баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка и казачій Попова 16-го полкъ (').

Изъ объясненій съ ширванскимъ ханомъ и съ начальниками нашихъ отрядовъ генералъ-маіоръ Хатунцевъ убѣдился, что Мустафа не имѣетъ сношеній съ персіанами, но обнаруживаетъ недовѣрчивость къ русскому правительству, недовѣрчивость, проистекающую исключительно отъ подозрительнаго характера хана. Успокоивъ Мустафу и узнавъ, что персіане хотя и были дѣйствительно собраны на Муганской степи, но въ концѣ октября распущены по домамъ, Хатунцевъ двинулся въ Кубу, на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора Гурьева, дѣйствовавшаго уже противъ скопищъ Шихъ-Али.

Получивъ въ началѣ ноября свѣдѣніе, что партія лезгинъ числомъ до 6,000 человекъ, собралась въ Табасаранскомъ ущельѣ, генералъ-маіоръ Гурьевъ двинулся противъ непріятели, но на дорогѣ узналъ, что лезгины перешли къ Самуру съ цѣлью вторгнуться въ Кубинскую

(') Предписаніе маркиза Паулуччи генералу Хатунцеву 26-го октября, № 27.

провинцію. Вернувшись обратно и пройдя въ двое сутокъ девяносто верстъ по горамъ и трудно доступной мѣстности, нашъ отрядъ, въ 3 часа ночи, 5-го ноября, прибылъ къ р. Самуру и остановился въ м. Зіахурь. Утромъ, 6-го ноября, оказалось, что всѣ прилегающія горы усѣяны лезгинами, но, не смотря на весьма крѣпкую позицію, занятую непріятелемъ, и большую численность его, генераль-маіоръ Гурьевъ рѣшился атаковать горцевъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи 1,348 человекъ Севастопольскаго полка, нѣсколькихъ казаковъ и татарской конницы, Гурьевъ вызвалъ въ авангардъ стрѣлковъ и двинулся впередъ. За стрѣлками шли двѣ гренадерскія роты съ двумя орудіями, далѣе двѣ мушкетерскія роты съ однимъ орудіемъ, обозъ и арьергардъ; казаки же и татарская конница оставлены были навади по причинѣ гористой мѣстности, покрытой густымъ лѣсомъ и неудобной для дѣйствія кавалеріи (1).

Едва наши войска стали входить въ ущелья горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, какъ лезгины со всѣхъ сторонъ напали на отрядъ. Неудобный строй, въ который генераль-маіоръ Гурьевъ поставилъ свой отрядъ, былъ причиною того, что нижніе чины должны были драться въ одиночку безъ поддержки другъ друга. По неприступности горъ артилерія не могла принять участія въ дѣлѣ, и хотя въ теченіе шести часовъ, до захожденія солнца, кипѣлъ самый ожесточенный бой, но онъ окончился отступленіемъ нашего отряда, потерявшаго болѣе 300 человекъ убитыми и ранеными. Неудача эта такъ подѣйствовала на Гурьева, что въ теченіе почти двухъ недѣль онъ не предпринималъ никакихъ дѣйствій и считалъ свое положеніе безысходнымъ. Видя бездѣятельность нашихъ войскъ и ободренные первымъ успѣхомъ лезгины ворвались въ наши предѣлы, и скопище Шихъ-Али стало постепенно возрастать. Къ нему пришли на помощь Асланъ-ханъ дженгутайскій и люди аварскаго хана, считавшагося въ нашей службѣ въ чинѣ генераль-маіора. Громадная толпа горцевъ, предводительствуемая самимъ Шихъ-Али, подходила къ Кубѣ все ближе и ближе, когда на помощь Гурьеву явился генераль-маіоръ Хатунцевъ съ своимъ отрядомъ.

Оставивъ небольшой гарнизонъ въ Кубѣ, генералъ Хатунцевъ двинулся къ деревнѣ Рустовъ, съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго, баталіономъ 46-го Егерскаго полковъ и Донскимъ казачьимъ Попова 16-го полкомъ—всего въ составѣ 877 штыковъ, при двухъ орудіяхъ. Подойдя къ селенію 21-го ноября, Хатунцевъ сбиль непріятельскіе пикеты и узналъ, что скопище Шихъ-Али, съ которымъ былъ и сынъ Сурхай-хана казикумухскаго, состоитъ изъ 7,000 человекъ, расположенъ

(1) Рапортъ генераль-маіора Гурьева маркизу Пауллуччи 28-го ноября, № 1043.

ныхъ въ прилегающемъ къ горамъ селеніи, укрѣпленномъ завалами. Не желая дать опомниться непріятелю, Хатунцевъ атаковалъ селеніе съ трехъ сторонъ и послѣ четырехъ-часоваго упорнаго боя выгналъ непріятеля, захватилъ много плѣнныхъ, отбилъ 30 знаменъ и болѣе 350 лошадей. Атака была столь быстра, что Шихъ-Али бѣжалъ въ ахтинскія селенія, не успѣвъ увезти своихъ вещей и бумагъ, которыя и были доставлены генераль-маіору Хатунцеву. Побѣда была полная, и горцы разсѣялись въ разныя стороны (*).

Для окончательнаго умиротворенія кубинской провинціи необходимо было наказать Сурхай-хана, привести его къ покорности и заставить подписать трактатъ о подданствѣ. Еслибы Сурхай не согласился на послѣднее, то главнокомандующій считалъ необходимымъ выгнать его изъ г. Бюры и область кюринскую поручить въ управленіе его племяннику Асланъ-беку.

Декабря 2-го генералъ Хатунцевъ со своимъ отрядомъ прибылъ къ р. Самуру и на слѣдующій день переправился черезъ рѣку, оставивъ въ м. Зіахурѣ отрядъ генераль-маіора Гурьева для охраненія кубинской провинціи и для наблюденія за движеніемъ непріятеля. Вступивъ во владѣніе Сурхая, Хатунцевъ отправилъ къ нему посланнаго съ письмомъ, въ которомъ требовалъ выдачи Шихъ-Али. Казикумухскій ханъ отвѣчалъ, что онъ всегда былъ и останется вѣренъ русскому правительству, не имѣетъ никакого соглашенія съ бывшимъ дербентскимъ ханомъ, и если посылалъ къ Шихъ-Али своего сына, то единственно для примиренія его съ русскимъ правительствомъ.

Хатунцевъ повторилъ свое требованіе, и 4-го декабря явился новый посланный съ донесеніемъ, что Шихъ-Али находится въ рукахъ Сурхая и, слѣдовательно, безопасенъ для русскаго правительства; выдать же его Сурхай не находитъ причины, но готовъ, впрочемъ, исполнить это, когда будетъ выданъ ему измѣнникъ и бѣжавшій отъ него племянникъ Асланъ-бекъ. Сурхай очень хорошо понималъ, что русское правительство никогда не согласится на такой размѣнъ, и потому смѣло предъявлялъ свое требованіе, надѣясь тѣмъ избавиться отъ нашихъ притязаній. Съ другой стороны, Хатунцевъ видѣлъ, что Сурхай желаетъ только затянуть переговоры, и потому, присоединивъ къ себѣ баталіонъ Севастопольскаго полка и 100 человекъ казаковъ, 5-го декабря двинулся далѣе. На пути онъ сжегъ шесть деревень, разрѣшилъ кубинцамъ брать все что имъ полезно и остановился въ селеніи Ишпизъ, гдѣ было достаточно провіанта для отряда. Сюда прибылъ новый посланный Сурхая съ просьбою не разорять селеній и съ обѣщаніемъ исполнить всё требованія. Хатунцевъ далъ два часа срока, и когда отъ

(* За это дѣло Хатунцевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

хана казикумухскаго не было получено отвѣта, онъ отправилъ, 6-го декабря, баталіонъ 46-го Егерскаго полка съ орудіемъ и 50 казаками для разоренія сосѣдней деревни Шехи, лежащей на горѣ, укрѣпленной и занятой лезгинами. Баталіонъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ спустившагося съ горъ и занявшаго сосѣдній хѣсъ многочисленнаго неприятеля, и тогда на помощь егерямъ были посланы двѣ роты Херсонскаго гренадерскаго полка, два орудія и 50 казаковъ.

Послѣ трехъ-часовой перестрѣлки лезгины были вытѣснены изъ хѣса и бѣжали въ укрѣпленную деревню Шехи, штурмовать которую, по отвѣсной крутизнѣ горы, было почти невозможно. Отрядъ сжегъ сѣно и солому и присоединился къ главнымъ силамъ, стоявшимъ въ деревнѣ Ишпикъ. Здѣсь Хатунцевъ ожидалъ прибытія къ себѣ потребованной имъ дербентской и табасаранской конницы, а также и Асланъ-бека, находившагося во владѣніяхъ уцмیا каравайдагскаго. Сурхай укрѣплялъ селеніе Шехи и другое, весьма близкое съ нимъ, селеніе Хутумъ. Оба они находились на весьма высокихъ горахъ, и казикумухскій ханъ предполагалъ, что русскіе должны будутъ непременно атаковать его въ этой вѣрнопой позиціи, но ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Какъ только Асланъ-бекъ, 12-го декабря, присоединился къ отряду, Хатунцевъ двинулся прямо на селеніе Кюри, главное въ области того же имени. Подойдя къ селенію Татаръ-ханъ, отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами лезгинъ, успѣвшихъ занять селеніе прежде нашего прихода. Хатунцевъ атаковалъ неприятеля, овладѣвъ Татаръ-ханомъ съ боя, разсѣялъ лезгинъ и принудилъ предводителя ихъ, Нуха-бека, сына Сурхая, бѣжать въ крѣпость Кюри, отстоявшую въ 30-ти верстахъ отъ мѣста боя. Нуха-бекъ очутился въ критическомъ положеніи: войска его разошлись для спасенія семействъ и имущества, и старшины селеній со всѣхъ сторонъ являлись къ Хатунцеву съ просьбою не разорять жителей и съ объявленіемъ, что желаютъ быть подъ покровительствомъ Россіи.

Находясь въ южномъ Дагестанѣ, кюринская провинція граничила съ владѣніями: Дербентскимъ, Табасаранскимъ, Казикумухскимъ, Рутульскимъ и Кубинскимъ, причемъ отъ послѣдняго она отдѣлялась р. Самуромъ. Занимая пространство не болѣе 2,000 квадратныхъ верствъ и имѣя населенія около 5,000 дворовъ, кюринская провинція орошалась двумя рѣками: Гуріени и Кюрахъ-чай. Обильное хлѣбопашество и скотоводство составляло главное занятіе жителей области, отличавшихся своимъ трудолюбіемъ отъ всѣхъ прочихъ обитателей Дагестана.

Кюринская крѣпость была расположена на р. Кюрахъ-чай въ узкомъ проходѣ, ведущемъ въ казикумухскую провинцію. Кюри была окружена 19-ю башнями, вооруженными пятью орудіями разныхъ ка-

либровъ. Съ трехъ сторонъ крѣпости былъ вырытъ ровъ, а четвертая примыкала къ курганамъ, на которыхъ были построены три башни, защищавшія главную дорогу, ведущую къ крѣпостнымъ воротамъ. Сурхай заперся въ крѣпости съ тысячею человекъ самыхъ преданныхъ ему людей казикумухскаго ханства, такъ какъ кюринцы всѣ разбѣжались. Съ Сурхаемъ находились всѣ его сыновья и Шихъ-Али.

14-го декабря, генералъ Хатунцевъ съ отрядомъ подошелъ къ кюринской крѣпости и въ ночь отправилъ стрѣлковъ съ приказаніемъ вытѣснить непріятели изъ окоповъ, обстрѣливаемыхъ съ крѣпости, что и было исполнено. Неприсятель былъ сбитъ со всѣхъ высотъ, и къ главному кургану подвезены наши орудія, при помощи огня которыхъ башня, занятая 50-ю лезгинами, была взята штурмомъ. Защитники башни всѣ легли на мѣстѣ, за исключеніемъ одного взятаго въ плѣнъ. Взятая башня командовала окружающею мѣстностью; на нее ввезли наши орудія, и подъ прикрытіемъ ихъ огня, 150 стрѣлковъ отправлены въ обходъ обоихъ фланговъ. Крики «ура!» по обѣимъ сторонамъ крѣпости и артиллерійскій огонь съ башни привели въ такое замѣшательство защитниковъ, что они въ безпорядкѣ бѣжали въ горныя ворота и скрылись въ ущельѣ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 80 тѣлъ. Наши войска заняли крѣпость, самую значительную во всей кюринской области, составлявшей лучшую часть владѣній Сурхай-хана казикумухскаго. Двѣ мѣдныя пушки, три фалконета, восемь знаменъ, много оружія, лошадей и запасъ провіанта достались побѣдителямъ, лишившимся 12-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранеными: одного офицера и 18-ти нижнихъ чиновъ. Маркизъ Паулуччи и генералъ-майоръ Хатунцевъ награждены за эту побѣду и вообще за дѣйствія въ Дагестанѣ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Шихъ-Али писалъ, что раскаивается въ своихъ поступкахъ и желаетъ быть вѣрноподаннымъ русскаго императора. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Кубу, гдѣ ему будетъ отведено помѣщеніе и назначено по 10 руб. въ день содержанія. Шихъ-Али отвѣчалъ, что такая цифра для него мала, и что онъ пріѣдетъ въ Кубу только тогда, когда будетъ отдана въ его управленіе кубинская провинція, *«хотя на короткое время»*. Такое требованіе не могло быть удовлетворено, и переговоры съ Шихъ-Али были прекращены, точно такъ же какъ пришлось прекратить ихъ и съ Сурхай-ханомъ. Послѣдній тотчасъ же послѣ бѣгства своего изъ Кюри отправилъ посланнаго къ главнокомандующему, прося его остановить движеніе войскъ. «Письмо вашего высочестепенства, отвѣчалъ маркизъ Паулуччи (1), черезъ чиновника вашего Ибраимъ-бека я полу-

(1) Въ письмѣ отъ 24-го декабря 1811 года, № 303.

чить, видѣлъ содержаніе онаго и узналъ также словесныя ваши порученія, — на что симъ вамъ отвѣтствую. Поступки ваши мнѣ совершенно известны, а что вы посылали своего сына съ войсками въ помощь бунтовщику Шихъ-Али-хану противу войскъ Его Императорскаго Величества, въ томъ и сами въ письмѣ своемъ признаетесь. Итакъ, не распространяясь болѣе, я объявляю, что вамъ теперь предлежитъ одинъ только путь къ спасенію и къ заглаженію вашего преступленія, а именно: выдать тотчасъ же арестованнаго вами Шихъ-Али-хана въ руки генераль-маіора Хатунцева. Тогда войска, по повелѣнію моему дѣйствующія, оставятъ васъ въ покоѣ, владѣніе ваше будетъ вамъ по прежнему предоставлено, и вы съ народомъ вашимъ будете счастливы. Сверхъ того, увѣряю васъ моимъ словомъ, что выданному вами Шихъ-Али-хану не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда, и притомъ я отзову въ Тифлисъ племянника вашего Асланъ-бека. Если же вы поупорствуете и не выдате измѣнника Шихъ-Али-хана, то войска по данному отъ меня повелѣнію не выйдутъ изъ вашего владѣнія, доколѣ камень на камени будетъ оставаться, истребятъ жилища вашихъ подвластныхъ и сожгутъ ихъ деревни и имущество, понесутъ повсюду мечъ и пламя, пока сила оружія Его Императорскаго Величества не принудитъ васъ исполнить мое требованіе, а кюринское владѣніе все безъ изыятія будетъ отъ васъ отнято. Вотъ вамъ послѣднее мое слово, избирайте, что для васъ лучше, а я исполню такъ, какъ сказалъ».

Сурхую было трудно исполнить требованіе маркиза Паулуччи потому, во-первыхъ, что онъ лгалъ, говоря, что Шихъ-Али-ханъ находится въ его рукахъ, а во-вторыхъ — покориться и подписать трактатъ было не въ характерѣ хана казикумухскаго, не признававшаго надъ собою ничьей власти, кромѣ собственнаго произвола. Онъ счелъ лучшимъ не отвѣчать на письмо, и тогда маркизъ Паулуччи отправилъ въ Кюри правителя своей канцеляріи, коллежскаго совѣтника Могилевскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ генераломъ Хатунцевымъ заключили письменное условіе съ Асланъ-бекомъ и ввѣрили ему управленіе всею кюринскою областью, кромѣ крѣпости Кюри, «долженствующей состоять въ непосредственномъ вѣдомствѣ російскаго коменданта и гарнизона».

Соображаясь съ мѣстными условіями и бытомъ населенія, Могилевскому поручено было обязать Асланъ-бека вносить казенныя подати и повинности по примѣру того, какъ обложены жители кубинской и бавинской провинцій; привести его къ присягѣ на вѣрность, заставить къ каждому пункту условій приложить свою печать, взять въ аманаты или сына его, или ближайшаго родственника, съ двумя дѣтьми почетнѣйшихъ старшинъ, и отправить ихъ на жительство въ г. Кубу.

Избирая Асланъ-хана правителемъ, маркизь Паулуччи находилъ въ этомъ лучшій исходъ для спокойствія этой части края. «Если бы новопокоренная кюринская область, доносили онъ (1), вдаваясь въ самый Дагестанъ, обращена была въ одну изъ провинцій россійскихъ на основаніи нашего порядка, то для охраненія цѣлости ея неотмѣнно во всякое время должно было бы имѣть въ ней сильную часть здѣшнихъ войскъ для удержанія въ предѣлахъ послушанія самаго народа и для обузданія хищныхъ ея сосѣдей, чего, однакоже, невозможно теперь никакимъ образомъ исполнить по военнымъ обстоятельствамъ нашимъ съ важнѣйшими непріятелями Грузіи—персіанами и турками. Во-вторыхъ, дикость нравовъ сихъ народовъ, могущихъ нескоро умягчиться, и врожденная привязанность къ вожному ханскому правленію, также ихъ обыкновенія, кои они почитаютъ закономъ, весьма отдаленныя отъ порядка нашего правленія, всегда служили поводомъ къ многократнымъ замѣшательствамъ, безпокойству и охлажденію къ намъ сихъ народовъ. Между тѣмъ какъ черезъ представленіе сей провинціи въ управленіе хану, непосредственно отъ россійской Имперіи зависящему, который, зная свойство и образъ народныхъ мыслей, можетъ гораздо удобнѣе дѣйствовать на ихъ умы по направленію здѣшняго правительства, конечно, вышеупомянутыя неудобства легче могутъ быть отклонены, ибо Асланъ-ханъ, получивши отъ щедротъ Его Императорскаго Величества сіе богатое владѣніе, долженъ будетъ для собственной своей пользы пещись объ удержаніи своихъ границъ, о благосостояніи народа и о сохраненіи между онымъ спокойствія, обходясь однимъ небольшимъ гарнизономъ, поставленнымъ въ крѣпости для защиты оной и въ необходимости для поддержанія его самого—слѣдственно, симъ способомъ, кромѣ значительныхъ выгодъ отъ приумноженія казенныхъ доходовъ, удалена еще можетъ быть необходимость содержать въ кюринской провинціи знатную часть нашихъ войскъ, кои нужны для дѣйствія противъ главнѣйшихъ непріятелей, и избѣгнется вредное развлеченіе здѣшнихъ силъ; равнымъ образомъ и самый народъ, довольный правленіемъ, къ коему онъ привыкъ, останется привязаннымъ къ своимъ жилищамъ и къ мѣстамъ, сохраняющимъ гробы ихъ предковъ».

Какъ ни убѣдительны доводы главнокомандующаго, но образованіе новаго ханства нельзя признать полезнымъ для края. Асланъ-бекъ былъ прежде всего азіятецъ, и, слѣдовательно, человекъ двуличный и коварный. Онъ перешелъ на сторону Россіи, потому что спасалъ свою голову и видѣлъ прямую свою выгоду; на преданность его трудно бы-

(1) Военному министру отъ 9-го февраля 1812 г., № 38.

бо положиться, и его вассальныя отношенія не могли быть прочны. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ войскъ былъ причиною того, что Асланъ-бекъ былъ назначенъ правителемъ кюринской области. Онъ обязался вносить въ казну ежегодно 3,000 червонцевъ и 3,000 четвертей хлѣба для продовольствія войскъ, дать въ аманаты старшаго сына и сыновей двухъ почетнѣйшихъ старшинъ и предоставить Кюринскую крепость «въ единственное распоряженіе и власть россійскому гарнизону». За это Асланъ-хану пожалованъ чинъ полковника, знаки инвеституры, дарована высочайшая грамота, утверждавшая его законнымъ владѣльцемъ потомственно по старшинству колѣна, и, наконецъ, ему предоставленъ судъ, расправа и всѣ доходы съ кюринскаго владѣнія.

Извѣщая Сурхая о назначеніи Асланъ-бека правителемъ кюринской области, маркизъ Паулуччи писалъ ему (1):

«Часть владѣнія вашего отнялъ я потому, что вы не сдержали свято присяги, которую нѣсколько разъ давали всецѣльному моему Государю Императору вѣрно служить, и за то, что вы не исполнили послѣдняго моего повелѣнія. Владѣніе сіе препоручилъ я по волѣ Государя высокостепенному Асланъ-хану, какъ вѣрноподданному россійской Имперіи и наслѣднику Кавикумухскому. Теперь я симъ только ограничиваюсь, а ежели вы что нибудь еще предпримите противу войскъ Его Императорскаго Величества и противу его подданныхъ, тогда потеряете все свое владѣніе и будете скитаться безъ пристанища, какъ вѣтренный Шихъ-Али. У васъ содержится Асланъ-ханова жена, которую прошу отпустить немедленно къ ея мужу; ежели же вы не сдѣласте мнѣ въ семъ уваженія, то я долженъ буду вашего аманата, содержащагося въ Нухѣ, отправить въ Сибирь; а ежели Асланъ-ханову жену вы возвратите, то и аманатъ вашъ будетъ присланъ къ вамъ».

Придавая весьма большое значеніе покоренію Кюринской области, прикрывавшей Дербентъ и Кубу со стороны Дагестана, маркизъ Паулуччи заботился и объ обезпеченіи границъ нашихъ со стороны Турціи.

«Видя съ прискорбіемъ, доносилъ онъ (2), что богатѣйшая борчалинская дистанція по смежности своей съ турецкою Ахалкалакскою областью, принадлежащею Ахалцихскому пашалыку, разоряемая набѣгами турокъ, угономъ скота и увлеченіемъ жителей въ плѣнъ, наипаче въ послѣдніе годы, начала совершенно упадать и недоимки въ податяхъ, слѣдующихъ отъ оной въ казну, увеличились до чрезвычайности, я рѣшился, для благосостоянія Грузіи, непременно истре-

(1) Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1812 г., № 164.

(2) Военному министру отъ 14-го декабря 1811 г., № 81.

бить сіе гнѣздо разбойниковъ и покорить оружіемъ самую ахалкалакскую крѣпость какъ можно поспѣшнѣе».

Скорѣйшее овладѣніе крѣпостью признавалось необходимымъ еще и потому, что въ то время уже шли переговоры о заключеніи мирныхъ условій съ Портою и, слѣдовательно, легче было выговорить уступку Россіи Ахалкалакъ въ томъ случаѣ, если бы крѣпость была покорена силою оружія. Руководимый такою двойною цѣлью, главнокомандующій предпринялъ экспедицію въ ахалцихскій пашалыкъ, поручивъ ее извѣстному по своимъ отличнымъ военнымъ способностямъ командиру Грузинскаго гренадерскаго полка, полковнику Котляревскому, которому приказано было идти по пустымъ мѣстамъ и по дорогамъ, почти непроходимымъ въ зимнее время. Въ составъ отряда назначены: два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 46-го егерскаго полка съ двумя орудіями и 100 человекъ казачьяго Ежова полка. Егерямъ приказано скрытнымъ образомъ собраться въ Думанисахъ и слѣдовать на Цалку съ тѣмъ, чтобы быть подъ Ахалкалаками въ тотъ день, который назначить Котляревскій. Съ ними должны были слѣдовать казаки Данилова полка, собранные съ постовъ; моуравамъ борчалинскому и казахскому также приказано собрать конницу и слѣдовать за Котляревскимъ.

Въ ночь съ 3-го на 4-е декабря, взявъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка безъ орудій и сотню казаковъ Ежова полка, Котляревскій выступилъ изъ г. Гори. Переправясь черезъ р. Куру, онъ присоединилъ къ себѣ другой баталіонъ, также безъ орудій. Штурмовыя лѣстницы были при отрядѣ и везлись на вьюкахъ (1).

Три слѣдующихъ дня были употреблены на переходъ черезъ горы и Триалетскую степь, покрытыя глубокимъ снѣгомъ; частыя и сильныя мятели затрудняли движеніе отряда. 7-го декабря, Котляревскій вступилъ въ турецкія границы и остановился въ ущельѣ, въ 25 верстахъ отъ Ахалкалакской крѣпости. Въ ту же ночь, не ожидая прибытія егерскаго баталіона, онъ раздѣлилъ отрядъ, состоявшій изъ 1,133 человекъ пѣхоты и 100 казаковъ, на три главныя колонны: одною—командовалъ самъ, другою—16-го егерскаго полка подполковникъ Степановъ (2), а третьею—Грузинскаго полка подполковникъ Ушаковъ. Каждая колонна состояла изъ 200 гренадеровъ и фузилеровъ и 20 стрѣлковъ. Сверхъ того составлены три небольшія команды, по 30 человекъ каждая, для

(1) Лѣстницы приготовлялись самымъ скрытнымъ образомъ только двумя плотниками, которымъ Котляревскій обѣщалъ особую награду.

(2) Бывшій прежде старшимъ адъютантомъ у Торماسова.

фальшивыхъ атакъ, и одна рота отправлена для занятія двухъ деревень, лежавшихъ близъ Ахалкалакъ.

Въ темную ночь отрядъ подошелъ къ крѣпости и остановился въ двухъ верстахъ отъ нея. Люди отдыхали въ теченіе часа; изъ крѣпости доносились крики непріятельскихъ часовыхъ. Въ 2 часа пополудни Котляревскій, устроивъ вагенбургъ, двинулся черезъ каменистый оврагъ и мостъ на рѣкѣ Храмѣ. Солдаты несли на себѣ лѣстницы и тихо, безъ шума, подвигались впередъ. Турки, не предполагая, чтобы русскіе могли перейти въ такое суровое время черезъ снѣговыя горы, оставались спокойными, не имѣли передовыхъ постовъ и замѣтили опасность только тогда, когда лѣстницы были уже приставлены къ стѣнамъ. Не смотря на то, что солдаты были крайне утомлены походомъ, они быстро взобрались по лѣстницамъ, бросились въ штыки, и въ 3 часа ночи двѣ батареи были въ нашихъ въ рукахъ. Сколько ни старались потомъ турки удержать за собою крѣпость и цитадель—они должны были ихъ очистить, не болѣе какъ черезъ полтора часа послѣ начала атаки.

Такъ пала крѣпость, укрѣпленная природою и искусствомъ, крѣпость, бывшая гнѣздомъ разбойниковъ, часто опустошавшихъ Грузію своими набѣгами. «Понизивъ надменное чело свое, доносилъ маркизъ Паулуччи Императору, отъ блеска высокославнаго оружія, крѣпость повержена двумя только баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества (1)».

Взятіе Ахалкалакъ было важно для насъ точно такъ же, какъ и взятіе Ганжи княземъ Циціановымъ. Ахалкалаки служили ключомъ къ Ахалциху, изъ котораго постоянно выходили хищническія шайки, опустошавшія борчалинскую провинцію.

Въ крѣпости найдено два знамя, 19 орудій, 131 пудъ пороху и значительное количество снарядовъ. Гарнизонъ весь уничтоженъ, кромѣ 45 человекъ взятыхъ въ плѣнъ; съ нашей стороны убитъ только одинъ унтеръ-офицеръ, ранены: 1 оберъ-офицеръ, 2 унтеръ-офицера и 26 рядовыхъ. Жители окрестныхъ деревень бѣжали вмѣстѣ со своимъ скотомъ въ горы. Представляя списокъ отличившимся, Котляревскій просилъ награды Грузинскому гренадерскому полку, который, по его словамъ, сколько перенесъ трудовъ во время похода, столько же оказалъ храбрости при штурмѣ крѣпости (2).

Высоко цѣняя побѣду, одержанную Котляревскимъ, главнокомандующій ходатайствовалъ о пожалованіи Грузинскому гренадерскому полку особыхъ

(1) Рапортъ маркиза Паулуччи Государю Императору 14-го декабря, № 80.

(2) Рапортъ Котляревскаго Паулуччи 8-го декабря, № 126.

знаменъ и о награжденіи тѣхъ 840 человекъ нижнихъ чиновъ, которые штурмовали крѣпость, особою серебряною медалью, для ношенія на груди, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ буквы А, а на другой— «8-го декабря 1811 года». Императоръ произвелъ Котляревскаго въ генераль-маіоры, пожаловалъ маркизу Паулуччи орденъ св. Владиміра 2-й степени, а Грузинскому Гренадерскому полку знамена съ надписью: «За отличную храбрость при взятіи штурмомъ турецкой крѣпости Ахалкалаки съ 7-го на 8-е декабря 1811 года (1).

Чтобы прочно утвердиться въ занятой крѣпости, необходимо было оставить въ ней значительный гарнизонъ и обезпечить его продовольствіемъ. По непроходимости дорогъ и зимнему времени доставка хлѣба изъ Грузіи была почти невозможна, и, слѣдовательно, запасъ его можно было сдѣлать при помощи реквизиціи въ сосѣднихъ селеніяхъ. Между тѣмъ назначенный въ подкрѣпленіе Котляревскому баталіонъ 46-го Егерскаго полка все еще не прибывалъ; не прибывалъ также и Даниловъ съ своими казаками. Котляревскій принужденъ былъ послать нарочнаго съ приказаніемъ отыскать ихъ и остановить въ селеніи Котели, въ 20 верстахъ отъ крѣпости. Прибывъ туда самъ 9-го декабря, Котляревскій нашелъ селеніе оставленнымъ жителями, и потому перевелъ войска въ Ахалкалаки. Въ Котели было найдено только 80 четвертей хлѣба, а въ другихъ селеніяхъ—ничего не найдено. Большинство населенія съ имуществомъ и скотомъ бѣжало или въ Ахалцихъ, или въ селенія Чалдырскаго округа. Для отбитія скота и хлѣба, Котляревскій взялъ 800 человекъ Грузинскаго гренадерскаго полка, присоединилъ къ нимъ 60 егерей, два орудія и 150 казаковъ и сдѣлалъ съ ними поискъ въ Чалдырскихъ деревняхъ (2). Онъ успѣлъ отогнать 1,000 барановъ и 60 штукъ разнаго скота; хлѣба найдено хотя весьма мало, но, впрочемъ, столько, что можно было обезпечить ахалкалакскій гарнизонъ до 1 го февраля. Приказавъ срыть форштадтъ города и оставивъ въ составъ гарнизона баталіонъ 46-го Егерскаго полка и 30 казаковъ подъ начальствомъ маіора Борщева, Котляревскій возвратился въ Грузію. Дойдя до Цалки, отъ отправилъ въ Квешы бывшихъ при отрядѣ 368 человекъ плѣнныхъ, а самъ пошелъ на постоянныя квартиры въ г. Гори, гдѣ впрочемъ оставался весьма недолго. Происшествія въ Карабагѣ весьма скоро вызвали его къ новой и блестящей дѣятельности.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Высочайшій приказъ 18-го января 1812 г. Высочайшая грамота полку изъ Вильны отъ 25-го мая 1812 года.

(2) Репортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи 11 декабря 1811 г., № 143.